

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(7), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ульянов М. Ю. Элементы художественной системы исторических повествований, сохранившихся в древнекитайских историографических памятниках : на примере «Чуньцю Цзочжуань» («Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням”», IV в. до н. э.) / М. Ю. Ульянов // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 7. — С. 311—331. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-311-331.

Ulyanov, M. Yu. (2026). Elements of Artistic System in Historical Narratives Preserved in Ancient Chinese Historiographic Monuments: A Case Study of “Chunqiu Zuo zhuan” (“The Commentary of Zuo on the ‘Spring and Autumn Annals’”, 4th c. BCE). *Nauchnyi dialog*, 15 (7): 311-331. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-311-331. (In Russ.).

Web of Science™

Scopus®

DOAJ

ERIH PLUS

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Элементы художественной системы исторических повествований, сохранившихся в древнекитайских историографических памятниках: на примере «Чуньцю Цзочжуань» («Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням”», IV в. до н. э.)

Ульянов Марк Юрьевич

orcid.org/0000-0002-9544-1671

кандидат исторических наук, доцент
ulm@mail.ru

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького
Российской академии наук
(ИМЛИ РАН)
(Москва, Россия)

Благодарности:

Автор благодарит
А. Б. Куделина и Н. В. Захарову
за ценные замечания и рекомендации

Elements of Artistic System in Historical Narratives Preserved in Ancient Chinese Historiographic Monuments: A Case Study of “Chunqiu Zuo zhuan” (“The Commentary of Zuo on the ‘Spring and Autumn Annals’”, 4th c. BCE)

Mark Yu. Ulyanov

orcid.org/0000-0002-9544-1671

PhD in History, Associate Professor
ulm@mail.ru

A. M. Gorky Institute
of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The author is grateful to A. B. Kudelin and N. V. Zakharova for their valuable comments and recommendations

© Ульянов М. Ю., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена исследованию элементов художественной системы древнекитайских исторических повествований на материале историографического памятника «Чуньцю Цзочжуань» («Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням”», IV в. до н. э.) с привлечением труда Сыма Цяня «Шицзи» («Исторические записки»), а также «Гунъян чжуань» («Комментарий Гунъяна [к “Вёснам и осеням”]»). В центре внимания находится поэтика сюжетных текстов о событиях периода Чуньцю (771—453 годы до н. э.). На примере детального сопоставительного анализа нескольких версий рассказа о трагическом конфликте луского правителя Инь-гуна и принца Хуя автор демонстрирует характер трансформации повествований при их включении в письменные своды. В рамках исследования ключевым выступает понятие «историзация» — концептуальное сокращение текста, ведущее к утрате ряда выразительных средств (замена прямой речи косвенной, редукция эмоций) ради сохранения фактологической фабулы. Доказывается, что историзация являлась компромиссом: выполняя прагматические задачи летописания, историографы сберегали базовые драматические детали и мотивы. Оставшиеся элементы художественного вымысла позволяли философским школам эффективно использовать историзированные тексты в учебно-дидактических целях для трансляции морально-этических и политических уроков.

Ключевые слова:

древнекитайская литература; историческая проза; историографические памятники; *Чуньцю Цзочжуань*; *Шицзи*; *Гунъян чжуань*; повествовательные жанры; историзация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article investigates the elements of the artistic system within ancient Chinese historical narratives, using the historiographic monument “*Chunqiu Zuo zhuan*” (The Commentary of Zuo on the Spring and Autumn Annals”, 4th c. BCE) as its primary corpus. The analysis is supplemented by a comparative study of Sima Qian’s “*Shiji*” (Records of the Grand Historian) and the “*Gongyang zhuan*” (The Commentary of Gongyang [on the Spring and Autumn Annals]). The central focus is the poetics of plot-driven texts recounting events from the Spring and Autumn period (771–453 BCE). Through a detailed comparative analysis of multiple versions of the tragic conflict between Duke Yin of Lu and Prince Hui, the author demonstrates the nature of narrative transformation during their incorporation into written compendia. The concept of “historicisation” is posited as a key mechanism in this study; it is defined as a conceptual condensation of the text, which results in the loss of a number of expressive devices — such as the substitution of direct speech with indirect narration and the reduction of emotional content — in favor of preserving a factual storyline. The article argues that historicisation functioned as a compromise. While fulfilling the pragmatic objectives of chronicle-keeping, historiographers preserved fundamental dramatic details and motifs. The remaining elements of artistic invention enabled philosophical schools to effectively utilize these historicised texts for didactic purposes, facilitating the transmission of moral, ethical, and political lessons.

Key words:

ancient Chinese literature; historical prose; historiographic records; *Chunqiu Zuo zhuan*; *Shiji*; *Gongyang zhuan*; narrative genres; historicisation.

УДК 821.581+82-94

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-7-311-331

Научная специальность ВАК
5.9.2. Литературы народов мира
5.9.3. Теория литературы

**Элементы художественной системы
исторических повествований, сохранившихся
в древнекитайских историографических памятниках:
на примере «Чуньцю Цзочжуань»
(«Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням”», IV в. до н.э.)**

© Ульянов М. Ю., 2026

1. Введение = Introduction

В исследованиях древнекитайской литературы еще достаточно мало-изученных тем. Одна из них — исследование художественных особенностей многочисленных и разнообразных повествовательных текстов исторического содержания. В данной статье рассмотрим повествования, рассказывающие о периоде Чуньцю (771—453 годы до н. э.), которые сохранились в крупнейших историографических памятниках: в «Чуньцю Цзочжуань» 春秋左傳 («Комментарий Цзо к “Вёснам и осеням”», IV в. до н.э.) и в главах из раздела «Шицзя» 世家 («Наследственные дома») труда Сыма Цяня «Шицзи» 史記 («Исторические записки»). Варианты некоторых исторических повествований содержатся также в философских и каноноведческих сочинениях. Так, в данной работе мы будем обращаться к «Гунъян чжуань» 公羊傳 («Комментарий Гунъяна [к “Вёснам и осеням”]», IV—III в. до н. э.) [Early Chinese texts, 1993, p. 68].

В тексте «Цзочжуань» сохранилось наибольшее число исторических повествований об указанном периоде, поскольку этот памятник представляет собой расширенный комментарий к канонической хронике «Чуньцю» 春秋 (букв. «Вёсны и осени»), в основе которой лежит первоначальная хроника царства Лу, по преданию, отредактированная Конфуцием (551—479 годы до н. э.) под учебно-дидактические задачи его школы [Ульянов, 2023, с. 11—70].

Текст «Цзочжуань» содержит не только хронографические и каноноведческие, но также повествовательные структурно-жанровые компоненты, которые и являются предметом литературоведческого исследования. Типологизация этих текстов осложняется их многочисленностью, разно-

образом, различной степенью сохранности. На наш взгляд, все повествовательные тексты названных памятников могут быть объединены в четыре формы: две «простые», названные «нарративными эпизодами» и «беседой», — это исходные повествовательные структурно-жанровые компоненты текста «Цзочжуань» [Ульянов, 2025, с. 263—264], и две «сложные»: «рассказы» и «новеллы», которые состоят из нескольких структурно-жанровых компонентов, не только повествовательных, но также хронографических и каноноведческих. «Нарративный эпизод» описывает событие в какой-то отдельный его момент, он либо не содержит прямой речи, либо содержит речь одного из героев. «Беседа» — композиционно более сложный вид повествования, предполагает наличие диалога, обрамленного экспозицией и финалом. «Рассказы» — более крупные повествования, описывающие одно событие, которое разворачивалось на сравнительно непродолжительном отрезке времени. Они состоят из сочетаний «нарративного эпизода» или «беседы» с несколькими другими компонентами текста: хроникой и комментарием. «Новеллы» — наиболее развернутые тексты, которые рассказывают о протяженной во времени череде из нескольких событий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Рассмотрим художественные особенности исторических повествований на примере двух «рассказов». Но прежде скажем о теоретических и методических подходах к исследованию.

Выявление и описание художественных особенностей повествовательных текстов, сохранившихся в крупных историографических памятниках, — важная задача в изучении древнекитайской исторической прозы. Мы опираемся на подходы, которые в китаеведении разрабатывали Л. Д. Позднеева [Позднеева, 1971, с. 363—371] и Л. Е. Померанцева [Померанцева, 1995, с. 27—44], в антиковедении — А. И. Доватур [Доватур, 1957], применительно к древнерусской литературе — Д. С. Лихачев [Лихачев, 1947, 1979], к раннесредневековой арабской историографической прозе — А. Б. Куделин [Куделин, 2022].

Художественным особенностям исторических повествований посвящен ряд работ китайских авторов. Среди них выделим статью китайской исследовательницы Янь Цзяли (严佳丽), в которой рассматривается «художественный вымысел» (кит. *сюйши* 虚饰) в повествованиях «Цзочжуань». Она выделила следующие группы «художественного вымысла»: психологический вымысел при объяснении мотивов принятия решения героями повествований; речевой вымысел в содержании монологов и диалогов; вымысел в деталях, при описании событий, например, батальных

сцен. Она заметила, что вымысел усиливает художественный эффект повествования [Янь Цзяли, 2025, с. 84].

Поэтику этих текстов продуктивно рассматривать в совокупности их художественных характеристик, каждая из которых имеет свою художественную функцию, а все вместе они составляют целостную художественную систему. В отечественном литературоведении есть несколько подходов к использованию этого понятия. В широком смысле под ним подразумеваются литературы определенного этапа развития культуры, например, Возрождения, Барокко и т. п. [Волков, 1989]. В узком смысле это набор стилистических приемов, которые образуют художественное единство. Такой подход характерен, например, для работы М. М. Бахтина «Слово в романе» [Бахтин, 1975, с. 112—113]. Мы используем его именно в узком значении. Определим далее порядок исследовательских процедур, нацеленных на такие стилистические приемы и характеристики и обеспечивающих комплексное описание художественной системы произведения в рамках узкого понимания термина.

1. Первым этапом является исследование художественных способов организации текста: оно начинается с анализа структуры всего историографического памятника, который направлен на выявление и атрибуцию повествовательных и неповествовательных компонентов. После этого рассматриваются фабула, композиция, сюжетобразующие мотивы. В ряде текстов повествование может иметь вид краткого пересказа содержания; в некоторых из них также можно обнаружить инкорпорированные ретроспективные вставки или неповествовательные тексты: записи хроникального характера, комментарии (пояснения) повествователя.

2. Затем описывается система персонажей: круг действующих лиц (монархи, царедворцы, влиятельные главы кланов, военачальники, а также их жены, дочери, слуги и пр.); главные герои, второстепенные и эпизодические; определяются протагонисты и антагонисты; устанавливаются взаимосвязи между героями и характер их противостояния друг с другом; определяется типология образов героев.

3. Далее следует выявление изобразительных приемов, которые были использованы при описании того или иного события; план изображения (ближний или крупный); повествовательные детали; формы речи героев (диалог, монолог, косвенная или вербальная речь).

4. После этого может следовать рассмотрение выразительных приемов: передача эмоций и экспрессивности действий героев, использование в их речах риторических приемов, а также фразеологических оборотов (поговорок и пословиц).

5. Далее появляется возможность исследования художественных явлений, характерных для исторических повествований: элементов художественного вымысла (художественного искажения реальности); идей, заложенных в тексты; а также способов драматизации текста, которые позволяют придать содержанию драматическую форму, а в отдельных случаях — трагическую или, реже, комическую.

Литературный процесс в описываемую эпоху еще не предполагал индивидуального авторства, но в текстах изучаемых повествований наличие обработки текста неким безымянным автором ощущается очень отчетливо, например, когда при сопоставлении двух версий одного повествования в одной из них текст имеет вид краткого пересказа.

Поэтому будем использовать понятие «повествователь», под которым подразумеваем идеального рассказчика, который, впрочем, воплощает вполне исторические фигуры представителей двух важнейших культурных институтов изучаемой эпохи: летописцев (историографов) при дворах государей царств периодов Чуньцю и Чжаньго (VIII—III века до н. э.), а также учителей-мыслителей школ разных типов, сначала дворцовой, с конца VI века до н. э. — философской и массовой для подготовки служащих, а во II—I веках до н. э. — канонovedческой [Ульянов, 2023]. Между этими институтами была тесная связь: выпускники школ становились историографами, а созданные ими летописные тексты использовались в школах в качестве учебных материалов.

Описывая поэтику древнекитайских исторических повествований, рассказывающих о периоде Чуньцю (771—453 годы до н. э.), мы исходим из того, что многие из них восходят к более развернутым устным формам, созданным на протяжении этого периода по законам придворной литературы в рамках своего рода «дворцового фольклора». Неслучайно российский китаевед академик Б. Л. Рифтин (1932—2012) писал: «Все основные жанры классической литературы берут свое начало в фольклоре. Устойчивость традиции — одна из характерных черт китайской литературы» [Рифтин, 1961, с. 24].

В последующем в зависимости от культурных сред и потребностей пользователей исторические повествования претерпевали всевозможные трансформации и на рубеже I века до н. э. — I века приняли известный сейчас вид. Многие из них еще в древности в процессе бытования и особенно при включении в состав какого-либо крупного историографического памятника подвергались концептуальному сокращению, которое может быть названо историзацией [Ульянов, 2025, с. 260, 269].

Повествования, которые были значительно историзованы, содержат в основном перечисление событий и имен исторических персон, которые в них участвовали. Их содержание носит публичный характер, в них главные действующие лица: государства и монархи, которые это государство олицетворяют. А те повествования, которые сохранили художественные признаки, зачастую носят частный характер, в них, даже если героями являются носители власти, описываются их поступки в личной сфере; они олицетворяют сами себя, а не государство.

Далее, используя этот понятийный аппарат, охарактеризуем два типичных «рассказа» «Цзочжуань», один краткий и один развернутый, с одними и теми же главными героями в ключевые моменты их жизни. Попытаемся установить, какие искажения претерпевали элементы художественной системы повествования в процессе историзации.

Основными действующими лицами обоих «рассказов» являются монарх царства Лу Инь-гун (722—712 годы до н. э.) и его единоутробный младший брат Гунцзы Хуэй (личное имя: Юй Фу). Предыстория такова. В конце длительного правления их отца Хуэй-гуна (768—723 годы до н. э.) возник кризис передачи власти. Прямым наследником был сын Хуэй-гуна от законной супруги, которого звали Юнь. Но он был слишком мал, и главы влиятельных кланов, возникших от потомков по мужской линии предыдущих монархов Лу, опасаясь, что в случае его воцарения усилится один из кланов, в качестве компромиссной фигуры возвели на престол старшего сына скончавшегося монарха, но не от супруги, а от наложницы, который и стал известен как Инь-гун. Его привели к власти в качестве регента, но затем при общем согласии он стал править в качестве *гуна*.

«Рассказы», выделяемые в тексте «Цзочжуань», могли быть краткими, рассматривающими некий «случай», «происшествие», и развернутыми — описывающими важное событие более детально, как некую «историю». Их тексты будем рассматривать по отдельным «элементам повествования» — фрагментам в виде одного или нескольких предложений, которые представляют собой единое высказывание и несут в себе завершенную мысль.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Художественные особенности первого «рассказа» о принце Гунцзы Хуэе (719 год до н.э.)

В первом «рассказе» говорится о самовольном поступке принца Хуэя. Он содержится только в «Цзочжуань» ([010405], 719 год до н. э.) и прикреплен к сообщению канонической «Чуныцю»: «Осень. [Луский

Гунцзы] Хуэй (Юй Фу) возглавил войско [Лу]» [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 35; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 74]¹.

Структура текста включает четыре компонента. Начинается с записи хроникального характера (Х), затем следует «нарративный эпизод» (НЭ), а завершается воспроизведением фразы канонической «Чуньцю» (Ч) с текстологическим комментарием к ней (К(Т)).

*«*Осень. Государи царств (чжухоу) вновь напали на [царство] Чжэн*» {X}*

Гун [царства] Сун направил [в Лу] просьбу помочь войском. [Луский] гун отклонил ее.

Юй Фу (Гунцзы Хуэй) попросил [разрешить] с войском присоединиться к ним. Гун [царства Лу] не позволил. Настойчиво просил, [затем] выступил [самовольно]. {НЭ}

Поэтому в [Чуньцю] записано: «[Луский Гунцзы] Хуэй возглавил войско [Лу]» {Ч} — это [показывает] его порочность. {К(Т)}

秋, 諸侯復伐鄭。宋公使來乞師, 公辭之。羽父請以師會之, 公弗許。固請而行。故書曰「翬帥師」, 疾之也。[Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 37; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 74].

Содержательным ядром «рассказа» является «нарративный эпизод», состоящий из двух сообщений («элементов повествования»). Первое сообщение полностью историзовано. Упомянутое в нем событие носит публичный характер — субъектами действия являются монархи двух царств, которые олицетворяют свои царства. Его художественная функция в тексте заключается в том, чтобы сообщить о возникшем напряжении в отношениях между царствами. О причине отказа станет известно из второго «рассказа».

Второе сообщение носит частный характер: субъектами действия являются Инь-гун, монарх царства Лу, и его родной младший брат, которые олицетворяют сами себя, а не государство.

Сохранившиеся элементы художественной системы позволяют судить о художественных способах организации текста. Очевидна фабула повествования: принц обратился с просьбой к старшему брату-монарху разрешить ему возглавить войско, но брат запретил. Однако принц ослушался и сам повел войско на войну. Для полноты ком-

1 В квадратных скобках дается номер фразы «Чуньцю» в переводе 1—5 глав памятника на русский язык [Чунь цю Цзо чжуань, 2011]. Первые две цифры указывают на номер главы; вторые две — номер года правления гуна царства Лу; третьи две — номер сообщения «Чуньцю».

позиции не хватает сообщения о результате, но оно здесь не предполагается, поскольку для раскрытия идеи результат не существенен.

В «рассказе» просматривается мотив «нарушение запрета», который воплощает конфликт между долгом и свободой выбора [Попова, 2022]. Старший брат выбрал долг, а младший — свободу выбора, что неминуемо должно привести к катастрофическим для одного из героев последствиям. Мотив этот, играя сюжетобразующую роль, «запускает» некоторую последовательность событий, о которых станет известно из второго «рассказа». Но это не единственная его функция. Он позволяет повествователю вложить в текст некую «идею» — в данном случае связанную с двумя противоположными категориями этики (и аристократической, и конфуцианской): «долг» (*и* 義) и «выгода» (*ли* 利). Старший брат руководствовался первым, младший — вторым. Но в чем видел свой долг старший брат — раскрывается во втором «рассказе».

Текст почти лишен изобразительных приемов. Сохранились лишь некоторые признаки того, что первоначально он обладал более разнообразными формами речи. Так, выражения «обратиться с просьбой», «отклонить просьбу», «попросить разрешение», «не позволить» говорят о том, что исходный текст мог иметь вид повествования с диалогом.

Сохранился такой выразительный прием, как эмоционально окрашенная речь: в выражении «настойчиво попросил» (кит. *гу цин*, «упрашивал», «умолял») ощущается экспрессия.

Для текста «рассказа» характерны важнейшие для исторической прозы этого времени художественные явления: драматизм повествования и наличие заложенных в текст идей. Драматизм нарастает по мере развития противоречия между братьями, здесь показано первое его проявление. Очевидно, что брат-монарх не стал создавать из этого непослушания конфликтную ситуацию.

Политическая идея, заложенная в данный «рассказ», заключается в том, что раз Инь-гун никаких мер не предпринял и поступок брата, нарушившего запрет, оставил без наказания, то в будущем пострадает он сам. Морально-этическая идея — в демонстрации последствий нарушения ими обоими норм морально-этического поведения своего времени: младшим братом — категории *сяо* 孝 («почтительное отношение к родителям, послушание старшим»), старшим братом — категории *ти* 悌 («забота старшего брата о младшем»), предписывавшей проявлять должную строгость и пресекать неповиновение.

Так непослушание одного и попустительство другого подготовили почву для трагедии братоубийства. Об этом — второй «рассказ».

3.2. Художественные особенности второго «рассказа» о принце Гунцзы Хуэ (712 год до н. э.)

Второй «рассказ» о принце Гунцзы Хуэ в «Цзочжуань» ([011104], 712 год до н. э.) имеет развернутую форму. В отличие от первого, его текст сохранился в трех вариантах в трех памятниках: в «Цзочжуань»; в главе 33 «Исторических записок» («Шицзи») Сыма Цяня, которая называется «Лу Чжоу-гун шицзя» 魯周公世家 («Наследственный дом луского Чжоу-гуна»); в «Гунъян чжуань» — еще одном древнем комментарии к «Чуньцю». Варианты отличаются друг от друга, но очевидно, что в их основе лежит одно и то же повествование.

В «Цзочжуань» текст «рассказа» следует после фразы *Чуньцю*: «Зима. Одиннадцатый месяц. День жэнь-чэнь. Гун [царства Лу] почил» 冬, 十有一月壬辰, 公薨 [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 71; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 94]. Его структура предполагает наличие шести «элементов повествования». Фабула такова: принц Хуэй, зная, что положение его брата, монарха Инь-гуна, и его самого как сыновей от наложницы не могло быть устойчивым, добивался от брата согласия не передавать власть законному наследнику — принцу Юню. Когда он понял, что брат не станет удерживать власть любой ценой, он встретился с Юнем и предложил ему убить брата-монарха, что в итоге и произошло.

Композиция такова: первый «элемент повествования» представляет собой завязку, второй и третий — развитие действия, затем следует ретроспективная вставка, потом пятый — кульминация, шестой — развязка и финал.

1. В «Цзочжуань» первый «элемент повествования» содержит пересказ слов Гунцзы Хуэ, которые развернуто в виде прямой речи представлены в тексте «Шицзи» и в «Гунъян чжуань» (табл. 1).

Сопоставление трех текстов позволяет увидеть художественное значение прямой речи, которая усиливает драматизм и придает всему тексту индивидуальные смысловые и стилистические нюансы, которые в пересказе утрачиваются.

В «Шицзи» и «Гунъян чжуань» содержание речи похожее, но словесная форма несколько иная, отсюда и различные смысловые акценты. В этом проявление традиции эпического этапа развития литературы, когда повествователь мог варьировать и импровизировать в рамках одной сюжетной линии [Путилов, 1997, с. 34, 173]. В «Шицзи» принц предлагает брату убить претендента и назначить его первым министром. В «Гунъян чжуань» есть только предложение остаться монархом, выраженное в форме риторического вопроса. Их объединяет довод принца:

Таблица 1

Завязка сюжета второго рассказа о принце Гунцзы Хэуэ
в «Цзочжуань», «Гуньян чжуань» и «Шицзи»

«Цзочжуань»	«Гуньян чжуань»	«Шицзи»
[Луский принц] Юй Фу (Гунцзы Хуэй) обратился [к лускому Инь-гуну] за разрешением убить [будущего луского] Хуань-гуна, поскольку благодаря этому стремился достичь поста <i>дацзая</i> — первого министра. 羽父請殺桓公，將以求大宰。[Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 79; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 94].	Гунцзы Хуэй заискивал перед Инь-гуном. Обращаясь к Инь-гуну, сказал: «Народ доволен тобой, наследственные государи (<i>чжухоу</i>) рады тебе. Почему бы тебе не остаться государем навсегда?» 公子翬諂乎隱公，謂隱公曰：「百姓安子，諸侯說子，盍終為君矣？」[Чуньцю Гуньян, 2013, с. 71].	Одиннадцатый год [правления Инь-гуна] (712 г.). Зима. Гунцзы Хуэй [сын Инь-гуна], <i>заискивая</i> перед Инь-гуном, сказал: «Народ [считает Вас] подходящим правителем, Вам следует воспользоваться этим и занять престол. Я прошу разрешения в Ваших [интересах] убить сына [Хуэй-гуна] — принца Юня, а Вы, государь, сделаете меня <i>сяном</i> — первым министром царства». 十一年冬，公子揮諂謂隱公曰：「百姓便君，君其遂立。吾請為君殺子允，君以我為相。」[Сыма Цянь, 1959, с. 1529, Сыма Цянь, 1987, с. 71-72].

раз народ доволен, то зачем же передавать власть. Апелляция к народному мнению — это распространенный в историографических памятниках риторический прием, характерный для увещательных речей.

Текст «Шицзи» наиболее подробен, поэтому в нем сохранен ряд важных выразительных признаков, в том числе упоминается эмоциональный фон разговора: принц говорил с братом «заискивая» (*чань* 諂). Это слово, передающее определенное эмоциональное состояние, является отрицательным штрихом к образу Гунцзы Хуэя.

2. Во всех трех памятниках второй «элемент повествования» — это три близких варианта высказывания, произнесенных луским государем Инь-гуном. Основная мысль общая: Инь-гун решил, что когда законный наследник станет взрослым, он оставит столицу и поселится в провинции (табл. 2).

В каждом из трех вариантов интонация речи Инь-гуна доверительно-трогательная. В ней по несколько раз повторяется личное местоимение я, тем самым подчеркивается, что в словах выражены его собственные

Таблица 2

Развитие сюжета второго рассказа о принце Гунцзы Хэуэ
в «Цзочжуань», «Гунъян чжуань» и «Шицзи»

«Цзочжуань»	«Гунъян чжуань»	«Шицзи»
Луский гун сказал: «Для этого мало причин, в будущем я передам ему [власть], построю [дом] в Туцю и проведу там свою старость». 公曰：「為其少故也，吾將授之矣。使營菟裘，吾將老焉。」 [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 79; Чуньцю Цзо чжуань, 2011, с. 94].	Инь-гун сказал: «Я не буду [править]. Я велю отстроить заново [резиденцию в] Туцю. Я проведу там свою старость». 隱曰：「吾否，吾使修涂裘，吾將老焉。」 [Чуньцю Гунъян, 2013, с. 71].	Инь-гун сказал: «Имеется повеление покойного государя. Из-за малолетства Юня я временно занял место регента. Сейчас Юнь вырос, я хочу построить дом в землях Туцю и провести там старость, а для этого управление передам принцу Юню». 隱公曰：「有先君命。吾為允少，故攝代。今允長矣，吾方營菟裘之地而老焉，以授子允政。」 [Сыма Цянь, 1959, с. 1529, Сыма Цянь, 1987, с. 72].

стремления. Инь-гун не терял надежды донести до брата, что он для него не опасен, участвовать в дальнейшей политической борьбе не собирается, а намерен, передав власть, поселиться на окраине царства Лу.

Это добавляет штрих к художественному образу Инь-гуна: он добряк, доверяющий брату, не желающий совершать насилие. Доверие (кит. *синь* 信) — одна из важнейших морально-этических категорий, а неоправдание доверия (кит. *усинь* 無信) — один из наиболее осуждаемых проступков.

Во всех трех памятниках упоминается название населенного пункта Туцю, который находился в 50 км к северо-востоку от столицы Лу, где Инь-гун хотел поселиться после передачи власти. Этим показывается, что он не только уже решил, что передаст власть, но и подыскал место, где надеялся обрести покой.

Все сказанное Инь-гуном усиливает драматизм происходящего: его человеколюбивые увещания на младшего брата не подействовали.

3. В третьем «элементе повествования» диалог между принцами Хуэем и Юанем сохранился только в «Гунъян чжуань», в «Шицзи» переданы слова первого из них, в «Цзочжуань» прямая речь вновь заменена на ее пересказ (табл. 3).

Таблица 3

Продолжение развития сюжета второго рассказа
о принце Гунцзы Хэуэ в «Цзочжуань», «Гуньян чжуань» и «Шицзи»

«Цзочжуань»	«Гуньян чжуань»	«Шицзи»
Юй Фу испугался, переметнулся от [Инь-] гуна к Хуань-гуну и попросил у того разрешения убить [Инь-гуна]. {НЭ} 羽父懼，反譖公于桓公，而請弑之。公之為公子也， [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 79; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 94].	Гунцзы Хуэй испугался, что его слова дойдут до [будущего] Хуань-гуна, и тогда сказал Хуань-гуну: «Я за тебя поговорил с Инь[-гуном]». Инь сказал: «Я не верну [престол]». Хуань-гун спросил: «Тогда что же делать?» [Хуэй] ответил: «Прошу позволения поднять мятеж, убить Инь-гуна». 公子懼恐若其言聞乎桓，於是謂桓曰：「吾為子口隱矣。隱曰：『吾不反也。』」桓曰：「然則奈何？」曰：「請作難，弑隱公。」 [Чуньцю Гуньян, 2013, с. 71—72].	Хуэй испугался, что принц Юнь узнает [про этот разговор] и казнит его, и стал <i>оговаривать</i> Инь-гуна перед принцем Юнем, сказав: «Инь-гун желает далее занимать престол и отделаться от Вас, прошу, подумайте об этом! Прошу разрешить мне ради Вас убить Инь-гуна». Принц Юнь дал согласие. 揮懼子允聞而反誅之，乃反譖隱公於子允曰：「隱公欲遂立，去子，子其圖之。請為子殺隱公。」子允許諾。 [Сыма Цянь, 1959, с. 1529, Сыма Цянь, 1987, с. 72].

На примере «Цзочжуань» вновь можно увидеть, что в результате замены прямой речи на краткое изложение ее содержания текст утрачивает художественность.

Во всех трех памятниках в словах повествователя упоминается эмоциональное состояние принца, которое передается словом *цзюй* 懼 — это «страх», вызванный опасением за последствия какого-либо общественно-осуждаемого поступка. Именно «страх» становится мотивирующим для дальнейших действий принца: он испугался за свою жизнь и был готов во имя своего выживания лишиться жизни старшего брата.

В варианте «Шицзи» в словах повествователя сообщается о том, что Гунцзы Хуэй оговорил Инь-гуна — в тексте использовано негативно окрашенное слово *цзэнь* 譖 («порочить», «клеветать»), которое добавляет еще один отрицательный штрих к образу принца Хуэя.

4. Четвертый «элемент повествования» — это «нарративный эпизод», который выполняет функцию ретроспективной вставки. Она есть только

в «Цзочжуань». Ее художественная задача заключается в том, чтобы объяснить происхождение ключевых деталей финала, в котором говорится о смерти Инь-гуна:

[Ранее], когда [Инь-гун] еще был принцем (гунцзы), он участвовал в бою [войск Лу] с государем [царства] Чжэн под [населенным пунктом] Хужан. Был схвачен. Государь [царства] Чжэн поместил его под арест у [начальника канцелярии] инь-ши. [Будущий Инь-гун], сделав подарки инь-ши, начал возносить молитвы почитаемому им духу [по имени] Чжун-у. После этого в сопровождении инь-ши вернулся [в Лу] и установил почитание этому духу [Чжун-у]. {НЭ}

與鄭人戰于狐壤，止焉。鄭人囚諸尹氏。賂尹氏，而禱於其主鍾巫。遂與尹氏歸，而立其主 [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 79; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 95].

Такая вставка не является частью композиции, поскольку она не имеет сюжетной связи ни с предшествующим, ни с последующим действием. Она служит для рассказа о важных событиях из жизни героя, которые объясняют обстоятельства происходящего. Текст, очевидно, представляет собой сокращение более раннего повествования о жизни луского Инь-гуна, в котором было подробно рассказано о его пребывании в царстве Чжэн до вступления на престол. Для текста вставки характерна повышенная детализация: участие в битве и пленение, нахождение в Чжэн, почитание местного духа-покровителя.

5. Пятый «элемент повествования» в «Цзочжуань» и «Шици» имеет вид записи хроникального характера. Тексты близки. В «Гуньян чжуань» данное сообщение отсутствует (табл. 4).

Таблица 4

Кульминация сюжета второго рассказа о принце Гунцзы Хэуэ
в «Цзочжуань», «Гуньян чжуань» и «Шици»

«Цзочжуань»	«Гуньян чжуань»	«Шици»
«*Одиннадцатый месяц. Гун, [намереваясь] принести жертвы [духу] Чжун-у, постился в [саду] Шэпу, остановившись на постой у господина Взя*» {X}. 十一月，公祭鍾巫，齊于社圃，館于焉氏 [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 79—80; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 95].		Одиннадцатый месяц. Инь-гун, [намереваясь] принести жертвы [духу] Чжун-у, постился в [саду] Шэпу, остановившись на постой у господина Взя. 十一月，隱公祭鐘巫，齊于社圃，館于焉氏。 [Сыма Цянь, 1959, с. 1529, Сыма Цянь, 1987, с. 72].

Это кульминация «рассказа». Для нее характерно то, что ряд художественных задач возложен на записи хроники, которые использовались для указания времени и места события, а также для передачи ближнего (крупного) плана изображения и для его детализации. Читатель узнает, что перед убийством Инь-гун держал пост, чтобы на следующий день совершить церемонию поклонения духу. Сообщается и о том, у кого он остановился на постой. Каждая из этих деталей способствуют усилению драматизма действия, то есть функция таких деталей заключается в том, чтобы усилить психо-эмоциональное воздействие на читателя, побудить его переживать и сопереживать.

6. Шестой «элемент повествования» сообщает о развязке — убийстве монарха (табл. 5).

Таблица 5

Развязка и финал сюжета второго рассказа о принце Гунцзы Хэуэе в «Цзочжуань», «Гунъян чжуань» и «Шицзи»

«Цзочжуань»	«Гунъян чжуань»	«Шицзи»
«*День <i>жэнь-чэн</i> . Юй Фу послал разбойников убить <i>гуна</i> [в доме] господина Вэя. Возвел на престол Хуань-гуна*» {X} — и покарал господина Вэя за то, что [<i>гун</i>] был убит у него [в доме] {K(И)}. [В <i>Чуньцю</i>] не записано сообщение о похоронах, поскольку не был соблюден траур. {K(T)} «壬辰，羽父使賊弑公于寗氏，立桓公，而討寗氏，有死者。不書葬，不成喪也。 [Чуньцю Цзочжуань, 2000, с. 80; Чунь цю Цзо чжуань, 2011, с. 95].	И во время жертвоприношения [духу] Чжун-у убил Инь-гуна. 於鐘巫之祭焉弑隱公也 [Чуньцю Гунъян, 2013, с. 71—72].	Хуэй направил человека убить Инь-гуна [в доме] господина Вэя. И возвел на престол принца Юня. Это был Хуань-гун. 揮使人殺隱公于寗氏，而立子允為君，是為桓公。 [Сыма Цянь, 1959, с. 1529, Сыма Цянь, 1987, с. 72].

Текст сообщения «Цзочжуань» имеет вид хроники, совмещенной с «комментарием историческим», которая органично вплетена в повествовательную канву «рассказа». Записи хроники царства Лу использованы для того, чтобы указать важные детали: точную дату гибели Инь-гуна (день *жэнь-чэн*) и место его убийства, а в «комментарии историческом» сообщается о репрессиях в отношении хозяина дома, в котором произошло убийство. Завершает текст «комментарий текстологический», связывающий его с фразой *Чуньцю*, к которой прикреплен этот «рассказ» «Цзочжуань».

В «Гунъян чжуань» текст пятого и шестого «элементов повествований» сведен к одной фразе, в которой передано основное: убийство совершено в момент отправления религиозного обряда.

3.3. О трансформации художественной системы исторических повествований в условиях историзации

Исследование показало, что историзация, разрушая художественную систему текста повествования, не уничтожала ее полностью. В отношении художественных способов организации текста она сводила сюжет к фабуле. При этом сокращались или опускались отдельные «элементы повествования», но фабула и соответствующая ей композиция сохранялись. Сохранялись и основные сюжетобразующие мотивы, которые являются одним из художественных средств построения повествования и, одновременно, донесения до читателя определенных идей. В первом «рассказе» использован древний мотив «ослушание запрета» (Адам и Ева, ящик Пандоры), во втором — «убийство брата» (Каин и Авель, Ромул и Рем) — преступление против рода, которое ведет к наложению проклятия на все последующие поколения. Действительно, монарха, пришедшего на смену Инь-гуну, постигла позорная смерть: он был задушен во время визита в соседнее царство Ци.

В условиях историзации текста ряд художественных функций переносился на тексты неповествовательного характера: на записи хроники, которые использовались для того, чтобы выразить художественную связь времени и пространства, а также ретроспективные вставки для рассказа о предыстории. Все они могли быть насыщены важными повествовательными деталями.

Сопоставление текстов трех вариантов повествования показывает, как историзация влияла на формы речи. Диалог и прямая речь одного героя — это наиболее вариативные части повествования. Диалог мог быть заменен на прямую речь, которая, в свою очередь, могла быть заменена на косвенную речь или на краткий пересказ ее содержания повествователем. Если же прямая речь сохранялась, то из нее изымались второстепенные детали, оставалось самое существенное. О наличии диалога в исходном тексте могут свидетельствовать слова-индикаторы утраченной речи: *спросил, ответил, попросил, отказал* и пр.

Приглушаются и выразительные приемы: вместо ярких эпических эмоций (гнев, страх, радость) во втором «рассказе» встречаются только упоминания эмоционального состояния принца Хуэя: заискивание и испуг.

В повествованиях, как правило, нет описаний облика героев. Однако благодаря изобразительным и выразительным приемам очерчивается

их художественный образ. Так Инь-гун предстает в качестве человека, хорошо понимавшего свое шаткое положение на престоле, но не желавшего давать повод для политического конфликта как с братом, так и со сторонниками законного претендента. Он был наделен добродетелями: следовал долгу (*и*) и проявлял доверие (*синь*), но оказался бессилён предотвратить убийство, на которое пошел его брат. Брат же, принц Хуэй, выступает как носитель отрицательных качеств: преследовал личную выгоду (*ли*), нарушил нормы сыновней почтительности (*сяо*) и преданности государю (*чжун*).

Для текстов обоих «рассказов» характерны художественные явления, присущие произведениям древнекитайской прозаической литературы исторического содержания, а именно наличие в мысла, идей и драматизма.

То, как происходило то или иное событие в реальности, о чем думал тот или иной герой в действительности, для создателей текстов было не столь существенно — в каждом повествовании представлена художественная интерпретация событий. Поэтому описанная во втором «рассказе» версия гибели луского монарха может содержать в себе элементы художественного мышления. Это относится к речам, которые были вложены в уста героев. А вот обстоятельства гибели могли быть переданы близко к исторической действительности. По крайней мере, повествователи «Цзочжуань» постарались убедить в этом читателя, инкорпорируя в текст хронику и комментарий исторического характера.

Описания событий в истории взаимоотношений Инь-гуна и его брата принца Хуэя полны драматизма. В обоих «рассказах» он возникает в результате столкновения противоположных взглядов: старший брат готов уступить престол и не убивать претендента, а младший брат готов, предав своего старшего брата, пойти на его убийство. Во втором «рассказе» это противоречие перерастает в поразительной мощи конфликт, который принимает зримые очертания в описаниях борьбы братьев: старшего — за право жить в соответствии со своим пониманием долга, младшего — за право выжить любой ценой и занять высокую должность.

Убийство брата-монарха в момент, когда тот был наиболее уязвим: во время поста, молитвы и жертвоприношения — очень выразительная художественная деталь, которая значительно усиливает драматизм описания. Инь-гун осознавал, какая угроза нависла над ним, поэтому вручил свою судьбу Небу и духу-покровителю царства Чжэн, которые однажды отвратили от него смерть, но это не уберегло его и не остановило брата.

Данный «рассказ» содержит ряд политических и морально-этических идей. Если идеи усваивались в виде уроков, то в данном случае политический урок был таков: власть нельзя сохранить без насилия, отказ от насилия порождает еще большее насилие. Свой долг (и) старший брат видел в передаче власти законному наследнику. Ради этого он пренебрег законами политической борьбы и отказался от удержания власти любой ценой. Однако законы политической борьбы неумолимы, пренебрежение ими ведет к гибели. Инь-гун, сделав свой выбор, утратил и власть, и жизнь.

Однако в смещении Инь-гуна можно было и не усмотреть политического преступления, ведь убит был «узурпатор», а престол перешел к «законному наследнику».

Следовательно, политическая идея могла иметь несколько трактовок, зависевших и от задач повествователя, и от мировоззрения читателя. Поэтому перед повествователем стояла задача снять неоднозначность в трактовке политического опыта, которую можно было решить, только дав однозначную морально-этическую оценку поступков героев. Читатель должен был вспомнить основные морально-этические категории и соотнести с ними поступки героев в тексте. Такая возможная неоднозначность интерпретаций деяний героев позволяла учителям школ (дворцовой, массовой, философской, каноноведческой) использовать тексты исторических повествований для обсуждения широкого круга политических и морально-этических проблем.

4. Заключение = Conclusions

Мы попытались выявить и описать компоненты художественной системы двух типичных повествовательных текстов, которые сохранились после их историзации в важнейших историографических и каноноведческих памятниках древнекитайской литературы. Были выявлены и описаны некоторые художественные средства, которые использовались повествователями древности не только для сохранения сведений о наиболее значимых событиях периода Чуныцю, но и для осмысления исторических закономерностей. В рассмотренном случае это трагический финал правления Инь-гуна, монарха царства Лу.

Было установлено, что составители историографических памятников, передавая данные о прошлом, насыщали повествовательные тексты идеями политического и морально-этического плана, из которых читатель мог бы извлечь уроки. Задача историографическая предполагала сокращение текста повествования до нескольких простых сообщений, но за-

дача дидактическая требовала от них, напротив, сохранения максимального числа элементов художественной системы, которые, воздействуя на психо-эмоциональную сферу читателя или слушателя, способствовали тому, что уроки могли быть «вычитаны» из текста и усвоены. С этой точки зрения историзация являлась компромиссом, который обеспечивал на протяжении более чем двух тысячелетий сохранность этих текстов в составе историографических памятников.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Гунъян. Комментарий Гунъяна к [хронике] «Вёсны и Осени» / Гунъян // Чуньцю Гунъян чжуань чжушу. — Шанхай : Шанхай гуцзи, 2013. — 1224 с. — ISBN 978-7-5325-6985-4 (春秋公羊傳注疏 / (漢) 何休解詁 ; (唐) 徐彥疏 ; 刁小龍整理. — 上海 : 上海古籍出版社, 2013. — 1224 頁).
2. Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки) / Сыма Цянь. — Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 1959. — 3389 с (司馬遷. 史記. 北京: 中華書局. 1959. — 3322 頁).
3. Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи) / Сыма Цянь ; Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина. — Москва : Восточная литература, 1987. — Т. 5. — 481 с.
4. Цзо. Комментарий Цзо к [хронике] «Вёсны и Осени» / Цзо ; Коммент. Ян Бозюня. — Пекин : Чжунхуа шуцзюй, 2000. — 1736 с. — ISBN 7-101-00262-5 (春秋左傳注. 楊伯峻注釋. 北京: 中華書局. 2000. — 1736 頁).
5. Чунь цю Цзо чжуань. Комментарий Цзо к «Чунь цю» / Чунь цю Цзо чжуань // Исследование, перевод с китайского гл. 1-5, комментарии и указатели М. Ю. Ульянова. — Москва : Восточная литература, 2011. — 334 с. — ISBN 978-5-02-036496-7.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 502 с.
2. Волков И. Ф. Творческие методы и художественные системы / И. Ф. Волков — Москва : Искусство, 1989. — 264 с.
3. Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота в VI—V вв. до н.э. / А. И. Доватур. — Ленинград : Издательство ЛГУ, 1957. — 201 с.
4. Куделин А. Б. «Жизнеописание Пророка» Ибн Исхака — Ибн Хишама как памятник средневековой арабской литературы / А. Б. Куделин. — Москва : ИМЛИ РАН, 2022. — 320 с. — ISBN 978-5-9208-0692-5.
5. Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д. С. Лихачев. — Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1947. — 479 с.
6. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 376 с.
7. Позднеева Л. Д. Глава VI. Историография / Л. Д. Позднеева // Литература Древнего Востока. — Москва : Издательство Московского университета, 1971. — С. 363—371.
8. Померанцева Л. Е. Жанрово-стилистические истоки «Жизнеописаний» Сыма Цяня / Л. Е. Померанцева // Теория стиля литератур Востока. Сб. ст. / сост. И. В. Стеблева. — Москва : [б. и.], 1995. — С. 27—44.

9. Попова О. В. Мотив нарушения запрета в средневековых поэмах о Рыцаре с лебедем / О. В. Попова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». — 2022. — № 6. — Ч. 2. — С. 258—270. — DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-6-258-270>.
10. Путилов Б. Н. Эпическое сказительство : Типология и этническая специфика / Б. Н. Путилов. — Москва : Издательская фирма Восточная литература. РАН, 1997. — 295 с.
11. Рифтин Б. Л. Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре / Б. Л. Рифтин. — Москва : Издательство восточной литературы, 1961. — 246 с.
12. Ульянов М. Ю. Кун-цзы (552—479 гг. до н.э.) : создание «массовой» школы и работа над комплексом учебных текстов / М. Ю. Ульянов // Конфуций. Лунь Юй. Беседы и суждения ; пер. с кит. В. В. Башкеева. — Москва : Издательство АСТ : ОГИЗ, 2023. — С. 11—70.
13. Ульянов М. Ю. Повествовательные компоненты в тексте *Чуньцю Цзочжуань* («“Комментарий Цзо” к „Вёснам и осени“», IV в. до н.э.) : подходы к литературоведческому исследованию / М. Ю. Ульянов // Вестник СТБУ. Востоковедение. — 2025. — № 3. — С. 263—264.
14. Янь Цзяли. Исследования художественного вымысла в повествованиях *Цзочжуань* / Янь Цзяли // Ляодун сюэюань сюэбао (шэхуй кэсюэ сюэбань). — 2025. — Т. 27. — № 3. — С. 84—88. (严嘉丽.《左传》“虚实”叙事论 / 辽东学院学报(社会科学版). — 2025. — 27(3). — 84-88页).
15. *Early Chinese texts : a bibliographical guide* / edited by Michael Loewe. — New Haven : The society for the study of Early China and the institute of East Asian studies, University of California, 1993. — 545 p.

*Статья поступила в редакцию 26.02.2026,
одобрена после рецензирования 20.05.2026,
подготовлена к публикации 20.08.2026.*

Material resources

- Chun Qiu Zuo zhuan. (2011). Zuo's commentary on “Chun qiu”. In: *Research, translated from Chinese Chapters 1—5*. Moscow: Oriental Literature. 334 p. ISBN 978-5-02-036496-7. (In Russ.).
- Gongyang. (2013). Gongyang commentary on the [chronicle] of “Spring and Autumn”. In: *Chun-qiu Gongyang zhuan zhushu*. Shanghai: Shanghai Guzzi. 1224 p. ISBN 978-7-5325-6985-4. (In Chin.).
- Sima Qian. (1959). *Shi ji (Historical Records)*. Beijing: Zhonghua Shujiu. 3389 p. (In Chin.).
- Sima Qian. (1987). *Historical Records (Shi ji)*, 5. Moscow: Oriental Literature. 481 p. (In Russ.).
- Zso. (2000). *Zuo's commentary on the [chronicle of] “Spring and Autumn”*. Beijing: Zhonghua shujiu. 1736 p. ISBN 7-101-00262-5. (In Chin.).

References

- Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 502 p. (In Russ.).
- Dovatur, A. I. (1957). *Narrative and scientific style of Herodotus in the VI—V centuries BC*. Leningrad: LSU Publishing House. 201 p. (In Russ.).
- Kudelin, A. B. (2022). *“The Life of the Prophet” Ibn Ishaq — Ibn Hisham as a monument of medieval Arabic literature*. Moscow: IMLI RAS. 320 p. ISBN 978-5-9208-0692-5. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1947). *Russian chronicles and their cultural and historical significance*. Moscow—Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 479 p. (In Russ.).

- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of ancient Russian literature*. Moscow: Nauka Publ. 376 p. (In Russ.).
- Loewe, M. (ed.). (1993). *Early Chinese texts: a bibliographical guide*. New Haven: The society for the study of Early China and the institute of East Asian studies, University of California. 545 p.
- Pomerantseva, L. E. (1995). Genre and stylistic origins of Sima Qian's "Biographies". In: *Theory of literary style of the East. Collection of articles*. Moscow: [b. i.]. 27—44. (In Russ.).
- Popova, O. V. (2022). The motive for violating the ban in medieval poems about a Knight with a swan. *Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Literary Criticism. Linguistics. Cultural studies"*, 6 (2): 258—270. DOI: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2022-6-258-270>. (In Russ.).
- Pozdneeva, L. D. (1971). Chapter VI. Historiography. In: *Literature of the Ancient East*. Moscow: Moscow University Press. 363—371. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1997). *Epic storytelling: Typology and ethnic specificity*. Moscow: Oriental Literature Publishing Company. RAS. 295 p. (In Russ.).
- Riftin, B. L. (1961). *The legend of the Great Wall and the problem of genre in Chinese folklore*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature. 246 p. (In Russ.).
- Ulyanov, M. Yu. (2023). Kun-tzu (552—479 BC): creation of a "mass" school and work on a set of educational texts. In: *Confucius. Lun Yu. Conversations and judgments*. Moscow: AST Publishing House: OGIZ. 11—70. (In Russ.).
- Ulyanov, M. Yu. (2025). Narrative components in the text of Chunqiu Zuozhuan ("Zuo's Commentary on "Springs and Autumns", IV century BC): approaches to literary research. *Bulletin of the STBU. Oriental studies*, 3: 263—264. (In Russ.).
- Volkov, I. F. (1989). *Creative methods and artistic systems*. Moscow: Iskustvo. 264 p. (In Russ.).
- Yan Jiali. (2025). Studies of fiction in the Zuozhuan Narratives. *Liaodong xueyuan xuebao (shehui kexue xueban)*, 27 (3): 84—88. (In Chin.).

*The article was submitted 26.02.2026;
approved after reviewing 20.05.2026;
accepted for publication 20.08.2026.*